

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ

Михаил Бакунин

1 сентября 1868

Написано летом 1868 (Швейцария). Опубликовано 1 сентября в первом номере журнала «Народное Дело» третьей, вместе со статьями «Необходимое объяснение» (первая), «Наша программа» (вторая) и «Постановка революционных вопросов. Статья первая. Наука и Народ». Журнал вышел в начале сентября 1868 года, незадолго до II, Бернского, конгресса Лиги Мира и Свободы. Этой работы нет в архивах Бакунина в Амстердаме, возможно, потому что есть основания считать, что эту статью Бакунин не писал.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ

Полтора века просуществовало основанное Петром немецкое государство в Петербурге. Система установилась крепко: поддерживаемая писцом и солдатом, она не подвергалась никаким существенным изменениям. Менялись иногда только мелочи бюрократического порядка: там учреждается новый губернский город, здесь из заштатного сделают уездный; здесь несколько волостей какой-нибудь губернии причисляют к другой, там перекинут несколько крестьянских общин из одного хозяйственного ведомства в другое. Меняли, кроме того, формы делопроизводства – все сокращали переписку, оставляя за собой полную возможность по-старому тянуть дела, но этого рода перемены составляют уже чисто домашнее дело чиновников.

Сущность системы оставалась неизменно та же и та же: она основана была на круговой боязни, на круговом недоверии друг к другу всех чиновников от царя до станового, на круговом облыжном контроле и на дружном обирательстве народа.

Правительство называло себя народным, считало себя могучим и богатым. Зачем же вздумало оно «ввести *благодатные реформы*»?

Различным образом старались объяснить это явление. Иные приписывали его духу времени; другие падению порядка, называя реформы сумасшествием; третьи на все лады воспевали «благодать намерений благодушного царя», еще в колыбели воспетого декабристом Рылеевым.

На настоящую причину, вызвавшую реформы, редко кто указывал, а она лежит в крымском поражении императорской армии.

Императоры, вместе с помощниками своими, правительственными сословиями, полтора-два десятилетия создавали чиновников и солдат; они все подвели под форму, все привели к системе и успокоились, считая себя непобедимыми. Николай не на шутку верил, что все языцы¹ покоряются ему.

Вот пришло время показать свою силу, напомнить Европе 1812 год. Набрали стрелков, согнали до 300 ополченных дружин и пошли защищать отечество без пороха и ружей. Петровское могущество, утверждавшееся и развивавшееся целым рядом «достойных продолжателей деяний Петра», оказалось несостоятельным: флот пригнулся только к тому, чтобы спустить его ко дну; «победоносная» армия, дошедшая до Крыма полуголодная и полубольная, оказалась разбита; Севастопольская крепость, числившаяся по учебникам географии неприступной, взята. Военная организация империи оказалась никуда негодной; не отстали от нее и другие части всей системы – повсюду воровство такой, что ни найти концов, ни свести их возможности не оказалось. Много народа, много кровавого труда его положило наше государство для достижения своих целей, для создания своей бесчеловечной системы. Крестьянин целый день работал на уплату повинностей своих помещику и государству; удивительно ли, что коли случались кое-какие остатки, так он и их нес царю же в карман, то есть «в царев кабак». Все бесчисленные жертвы и унижения, весь кровавый труд народа обращены были к цели создать могущественное государство, а привели к крымскому поражению.

Правительство не знало, как поправить дела, как вести их вперед. Оно не знало, как уничтожить зло, что и как изменить; но невозможность вести дела по-старому стала и для него очевидной.

---

¹ Народы (древнеславянский).

На все классы общества, исключая только самых ярых и тупых поклонников славы императорского оружия, крымское поражение оказало воскресительное влияние. Защита Севастополя всех задевала за живое; все были возбуждены, только и разговоров было, что о Севастополе. Купцы и дворяне, мещане и чиновники собирали подписки в пользу раненых, молились, завтракали и обедали за здоровье воинства и все жертвы, особенно последние две, приносили с величайшей искренностью. Но Севастополь взят. Война окончена. Послышался общий голос оскорбленного самолюбия; заговорили о чести России, о позоре армии; послышался ропот на Александра; старики благоговейно вспоминали Николая и говорили: «при нем мы не дожили бы до такого позора». Горе это было минутное; оно прошло скоро – и вдруг всем точно легче стало. Всякое правительство теряет силу после поражения, его мало уважают даже самые несмелые люди, его меньше боятся, *действия его критикуют*. Вот и в русском обществе пошла критика действий правительства, а оно продолжало подавать поводы к неудовольствиям, то есть продолжало грабить везде и всюду, чтобы поправить крайне расстроенные денежные дела свои. Примером такого воровства представим следующий случай. Распуская по домам дружины, не выступившие в поход против неприятеля, правительство распорядилось о продаже с аукционного торгового остатков холста, сукна, кож, а также лошадей, ящиков и прочего. Начальник одной из губерний представил министру, что деньги, вырученные за продажу сказанных вещей, должны обратиться на какое-нибудь земское дело, потому что и все сформирование дружин произведено на счет земства. Министры рассудили иначе – деньги поступили в кассу военного министерства. Если бы правительство вышло из войны победоносным, то и в голову бы никому не пришло укорять его этим случаем кражи; но оно разбито – его меньше боятся, меньше ему и прощают. Таким-то образом и в России после крымского поражения большинство сколько-нибудь думающих людей пришло к убеждению, что старые порядки держаться более не могут. И правительство понимало, что надо изменить порядок. Как же приняться за реформы? С чего начать?

Всякому правительству нужны прежде всего и после всего деньги; оно старается, во-первых, обеспечить за собой постоянный источник, откуда деньги приходят, во-вторых, так организовать свое чиновничество, чтобы оно не слишком запускаяло руки в казенный ящик, чтобы хоть по чину брало. Крымская война доказала, что существующая система контроля не охраняет государственное хозяйство от самой наглой кражи – в иных пороховых погребах оказалось пороху в пять раз меньше против показанного в отчетах количества. Закулисная проверка чиновника чиновником ни к чему не привела – все крали и прикрывали друг друга. Изменить систему контроля значило дать ей хоть некоторую гласность. Со словом гласность и пошли тогда носиться; в журналах и газетах заговорили о гласности, и в обществе это слово стали повторять беспрестанно. Коли в одном месте нужна гласность, так и в другом – везде нужна гласность, и в суде, и в полиции; одно тесно связано с другим. Или надо было, положась на божью волю, сохранить все по-старому, или изменить все.

Могло ли правительство сознательно идти к такой цели? Конечно, нет. Что значит изменить все? Это значит изменить всю систему, дать народу право заявлять свои требования, дать ему право голоса в решении вопросов государственного хозяйства, освободить его и от помещика, и от станового, и от солдата, наконец, то есть от

самого государства. Если бы правительство, проводя меру за мерой, сознательно хотело таких результатов, так оно желало, следовательно, самоуничтожения. Такую нелепость допустить невозможно. Правительство, придумывая какую-нибудь новую меру, какую-нибудь реформу, всегда твердо убеждено, что дальше не пойдет. Не сознательное желание правительства, а логика вещей за одной реформой вела другую; но в то же время другая логика – логика самого положения правительства – заставляла его убивать в зародыше то, что само оно давало.

Прежде всего, должен был стать на очередь вопрос о крестьянах. Необходимость отмены крепостного права передовые люди давно уже чувствовали. Правительство понимало, что надо изменить положение крепостных; но, разумеется, сделать это, ничего не теряя из собственного могущества. Задавши себе невозможную задачу: накормить волков и сохранить овец, – государство наше и решилось не свободу дать крепостным, как казалось естественным, а «улучшить быт крестьян, находящихся в крепостной зависимости». Вся фраза это не что иное как обер- или статс-секретарская уловка: улучшать быт можно на тысячу ладов и все же свободы не дать, оставив себе вылазку для сохранения могущества. Иначе и быть не могло, государство и свобода – несовместимы. Вот и пошло в ход писарское крючкотворство. Ему никогда еще не приходилось решать такой трудной задачи; много надо было бюрократического мошенничества для того, чтобы *с виду* освободить крестьянина, а *на деле* – оставить его в том же положении прикрепленного и обеспечить за собой таким образом возможность легко собирать с него подати, то есть грабить по-прежнему. Обстоятельства показали, что бюрократия блестящим образом разрешила эту задачу.

Реформа судебная гораздо серьезнее; она в самом деле многое облегчила народу. Гласность ведет за собой большую скорость в решении дел. Главная заслуга в этом случае остается за мировыми судами и еще больше за судами волостными. Они дают народу возможность увидеть на деле, что и он может иногда отстоять свое право. Но следует ли из этого, что судебную реформу можно назвать коренной? Другими словами: изменила ли она сущность юридических отношений?

Судопроизводство и судоустройство – только средства к взысканию за ущербы и обиды. Чем лучше устроен суд, тем больше в нем гласности, чем больше быстроты решения, тем становится легче всякое взыскание за нарушенное право. Права лиц и сословий в государстве определяются законами. Чем законы эти запутаннее и противоречивее, тем легче нарушать чужое право. Хорошее судоустройство дает возможность скоро произвести взыскание; но возможность нарушать право лежит в запутанности самих законов, определяющих отношения лиц и сословий между собой, а потому самое идеальное, с государственной точки зрения, судоустройство не может произвести коренной реформы, если сущность самого закона, определяющего права, остается та же. Английское судоустройство, без сомнения, не худо организовано; однако и оно немного может сделать, потому что самые законы страны проникнуты духом крайней собственнической привилегии – неимущий всегда по ним окажется виноватым.

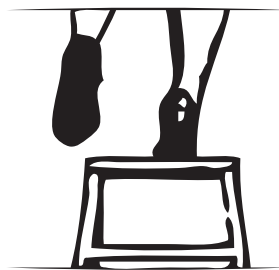
Как сложились законы русского государства? Вышли ли они из жизни народа? Конечно, нет! Народ, где и когда только может, держится своего обычного права, своей жизненной, не юридической, а *человеческой справедливости*. Он всегда бежал от суда как от чумы; ему совсем непонятен даже самый язык статей закона, не только

смысл их, и это совершенно естественно. Законы составлены сословиями, которые имели в виду только свои эксплуататорские интересы: интересы барина, а не крестьянина; хозяина, а не работника, – а больше всего интересы государственные, перед которыми уничтожались все другие. Все законы определяют государством обусловленные привилегии, а не права. В миросозерцание государства понятие о праве совсем не входит; место права занимает государственный порядок, а государственный порядок и право так же несовместимы, как государство и свобода. – Произвести реформу в так называемом русском гражданском праве значил бы выкинуть из него все насильственным образом навязанное бюрократией, то есть составить новый кодекс, основанный на обычном праве народа. Опять-таки задача вовсе не государственная; государство создает законы себе на пользу, а не народу и на обратный путь вступить не может. Оставаясь логичным, оно всегда будет считать целью свой государственный порядок, в основании которого неминуемо должна лежать привилегия, а не право.

За судебной реформой следует реформа земская. Во времена крепостного права раскладка земских повинностей производилась дворянскими собраниями. Путаница в счетах была страшная: произвол в распределении повинностей ужасный: и становой, и исправник, и уездный предводитель дворянства, и губернское правление – все раскладывали, рассчитывали, переписывались и довели дело до полнейшей темноты. Правительство увидело, что помочь этому можно только одним способом – надо передать дело о земских повинностях самому земству. Но и в этом случае оно действовало так, чтобы можно было вполне сохранить свое могущество. Административные власти губерний имеют права самого широкого вмешательства в дела земских собраний, могут вычеркивать кандидатов из списка, составленного избирателями, могут налагать земству тысячи препятствий к достижению какой бы то ни было цели, прямо склоняющейся в пользу самого земства. Число предметов ведомства земских собраний чрезвычайно ограничено, да и денег в распоряжении у него нет или почти нет. Государство хотело только разыграть и действительно разыграло комедию. Ведь земская реформа призывает все сословия, значит, и крестьян, рассуждать о своих нуждах (это уже что-то вроде политической реформы). С крестьян берут повинности, и они же призваны сами рассуждать о раскладке их: вот как расширены политические права их! Всмотревшись в дело ближе, мы увидим, что и эта реформа – обман. Положение народа улучшится только тогда, когда он будет иметь полное право признать или не признать необходимость такой-то цифры налога; будет иметь право дать налог и не дать его; когда он будет знать, куда, на что и сколько идет денег, собранных его трудом. Это все может совершиться только тогда, когда он будет свободен, когда он сам в состоянии будет определять свою жизнь по своей воле, а не по приказу государства. Вместо этого ему милостиво позволили рассуждать о какой-нибудь этапной повинности, да еще приказывают принимать эту милость за действительное расширение политических прав земства. Три реформы – три обмана. Три раза правительство меняло оболочки, оставляя сущность вещей нетронутыми. На деле быт народа русского не улучшился.

Этим вступительным очерком заканчиваем первую статью нашего журнала о реформах. В следующих номерах постараемся представить возможно подробный разбор каждого вопроса отдельно.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ
1 сентября 1868

журнал "Народное Дело", №1.

ru.anarchistlibraries.net